

А.Б. Рахманов, докт. философ. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: КОНЦЕПЦИИ ДЖ. АБУ-ЛУХОД И Ф. МОУЛДЕР

A.B. Rakhmanov

PERIPHERAL LINES OF WORLD-SYSTEM ANALYSES: THEORIES OF J. ABU-LUGHOD AND F. MOULDER

Автор анализирует концепции американских социологов Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер, которые развивали мир-системный анализ И. Валлерстайна. Дж. Абу-Луход исследовала мир-систему, существовавшую в 1250–1350, Ф. Моулдер — интеграцию в современную мир-систему Китая и Японии.

Ключевые слова: мир-системный анализ, И. Валлерстайн, Дж. Абу-Луход, Ф. Моулдер, мир-система, мировая экономика, Китай, Япония.

The author analyzes the theories of American sociologists J. Abu-Lughod and F. Moulder that were devoted to the development of world-system analysis of I. Wallerstein. J. Abu-Lughod researched into the world-system, which existed in 1250–1350 A.D., F. Moulder undertook research into the integration of China and Japan into the modern world-system.

Key words: world-system analysis, I. Wallerstein, J. Abu-Lughod, F. Moulder, world-system, world economy, China, Japan.

Мир-системный анализ, возникший в 1974 г. с выходом в свет первой части труда И. Валлерстайна “Современная мир-система”¹, давно уже стал одним из самых влиятельных направлений современной мировой научной социальной мысли. Значительное количество ученых (социологов, политологов, экономистов, философов и т.д.) в самых разных странах мира осуществляют исследования, опираясь в той или иной степени на концепцию Валлерстайна. То, как развивается мир-системный анализ уже вне продолжающегося творчества самого Валлерстайна, само по себе является важным предметом исследования.

В данной статье речь пойдет о двух концепциях, созданных приверженцами мир-системного анализа, — американскими исследовательницами Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер. Возникновение

* Рахманов Азат Борисович, e-mail: azrakhmanov@mail.ru

¹ Wallerstein I. The modern world-system, I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.; San Francisco; L., 1974.

и развитие любой концепции непременно сопровождается разработкой магистральных проблем. Для Валлерстайна и многих его последователей к числу таковых относились закономерности развития современной мир-системы (европейской мир-экономики) со времени ее возникновения в XVI в., а также анализ ее современного состояния и перспектив. То, какая констелляция исторических процессов привела к возникновению мир-системы с центром в Западной Европе, какая констелляция исторических процессов определила внутренний механизм подключения различных стран к расширяющейся мир-системе, было обойдено вниманием в трудах Валлерстайна. В то же время развитие любой концепции предполагает рассмотрение проблем, являющихся для нее, пусть и важными, но все же периферийными. Разработка периферийных проблем непременно опосредуется разработкой магистральной тематики. Этим и обусловлен наш интерес к идеям названных выше авторов. Абу-Луход исследовала предысторию современной мир-системы, а Моулдер — тем, как и с какими последствиями для себя в нее вошли Китай и Япония. Абу-Луход заметила: “Мир-системная теория начала запутываться и усложняться, что является ироничным результатом ее развития и может служить иллюстрацией неизбежности рутинизации харизмы”². При этом отметим, что различия разработки магистральной и периферийной проблематики в рамках любой концепции не сводятся к различиям ее интенсивного и экстенсивного развития, поскольку исследование периферийной тематики в случае последовательного развертывания исследовательской мысли ведет к включению данной концепции в более объемный контекст, к снятию ее более глубокой, многосторонней и масштабной концепцией.

Концепция Дж. Абу-Луход

Джанет Липмэн Абу-Луход (Janet Lippman Abu Lughod, 1928–2013) — известный американский социолог. Абу-Луход занималась помимо исследований в области мир-системного анализа урбанистикой, изучением арабо-исламского мира и этнорасовых отношений, причем эти ее интересы нередко пересекались в одном и том же труде. Перу Абу-Луход принадлежат книги “Каир: тысяча и один год победоносного города” (1971), “Урбанизация в третьем мире” (1977; в соавторстве), “Рабат: городской апартеид в Марокко” (1981), “Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес: глобальные города Америки” (2000), “Изменяющиеся города: социология города”

² *Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system // Review (Fernand Braudel Center). 1990 (Spring). Vol. 13. N 2. P. 273.*

(1991), “Раса, пространство и бунты в Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе” (2007) и т.д. Но самой известной книгой Абу-Луход является труд “До европейской гегемонии. Мировая система 1250–1350” (1989)³, посвященный историческим предпосылкам возникновения современной мир-системы. На эту же тему она написала несколько статей. Ни одна из книг Абу-Луход на русский язык не переведена.

Согласно Валлерстайну, задачей обновленной социальной науки должно стать исследование исторических систем, которые он подразделял на мини-системы, мир-империи и мир-экономики. До 1500 г. в мире существовали все три типа систем, но примерно в 1500 г. (“долгом шестнадцатом веке”) возникла современная мир-система (европейская мир-экономика), которая стала столь мощной и динамичной, что оказалась в состоянии подчинить себе весь мир, вобрав в себя и преобразовав адекватно себе все существовавшие мир-империи и мини-системы. Абу-Луход взяла на себя исследование того, что предшествовало современной мир-системе.

Как полагала Абу-Луход, до возникновения современной мир-системы на планете уже существовали мировые системы, которые имели черты тождества и вместе с тем серьезно отличались от нее. Заметим, что Абу-Луход использует понятия “мир-система” (“world-system”) и “мировая система” (“world system”) как абсолютно совпадающие. Как утверждала Абу-Луход, мир-системы существовали в Античности (начало нашей эры) и в XIII–XIV вв. В центре внимания Абу-Луход находится средневековая мир-система, которой и посвящен труд “До европейской гегемонии”. Подход Абу-Луход серьезно отличается от позиции Валлерстайна. Основоположник мир-системного анализа полагал, что до XVI в. в мире одновременно существовало множество по преимуществу обособленных друг от друга мир-систем (мир-империй и мир-экономик). Абу-Луход же полагала, что обширные пространства Европы, Азии и Северной Африки в XIII–XIV вв. были объединены в одной мир-системе, предшествовавшей европейской мир-экономике.

Абу-Луход подчеркивает, что между современной мир-системой и мир-системами Античности и Средневековья существуют отношения тождества и различия. Общее, с точки зрения Абу-Луход, заключалось в том, что современной, средневековой и античной мировым системам была присуща иерархичность ядро–полупериферия–периферия, выраженная в системе территориальных разли-

³ *Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350.* N.Y.; Oxford, 1989.

чий. Вместе с тем, она полагает, что основы трех мир-систем изменялись. Отличия в том, что, во-первых, средневековая и античная мировые системы не охватывали собой весь мир, во-вторых, у них было несколько держав-гегемонов. Абу-Луход пишет: “Следует учитывать два момента: первое — принципы организации мировых систем характеризуются определенной изменчивостью, второе — мировые системы динамичны и, следовательно, претерпевают периодические структуризации”⁴.

В центре внимания Абу-Луход находится мир-система 1250–1350 гг., которая включала в себя пространство от Западной Европы до Китая и Юго-Восточной Азии. В средневековой мировой системе в отличие от современной мир-системы не было единственного гегемона, который диктовал бы принципы организации производства и торговли другим субъектам, не было центра и в географическом отношении. В состав мир-системы XIII в. входили восемь субсистем: 1) европейская, 2) средиземноморская, 3) от Константинополя до Китая, 4) ближневосточная (от Сирии через Персидский залив до Аравийского моря), 5) от Египта через Красное море до Аденского залива, 6) от Персидского и Аденского заливов до Западной Индии, 7) от Индии через восточный Индокитай до Малакки и Суматры, 8) Китай и Юго-Восточная Азия. По площади субсистемы напоминали неправильные эллипсы. Субсистемы пересекались: одни и те же территории и города могли входить одновременно в две и даже в три субсистемы. Так, Генуя и Венеция входили в первую и во вторую, Каир — во вторую и третью, Тебриз — в третью и четвертую, Пекин — в третью и восьмую субсистемы и т.д. Каждая из субсистем имела свой центр, полупериферию и периферию. Например, центр европейской субсистемы был образован ярмарочными городами Шампани, торгово-ремесленными городами Фландрии и портовыми городами Северной Италии, а центр ближневосточной — Багдадом, Басрой, Ормузом и Маскатом.

Среди центров восьми субсистем выделялись три-четыре наиболее значительных. Абу-Луход пишет: «Эта мир-система была организована вокруг трех или, возможно, четырех “центров”. Одним из них был Ближний Восток (“арабо-персидский имперский центр”), который охватывал стратегическую зону международного обмена. Вторым были северные степи Центральной Азии (“властные центры Монгольской империи”), которые после монгольских завоеваний слились в единое целое с Китаем. Третий центр фокусировался в Индийском океане, который связывал Китай с Ближним Востоком через Малаккский пролив и Индию. И, наконец, благодаря тор-

⁴ Ibid. P. 364.

говле и промышленности, стимулированной крестовыми походами, которые связали Европу с этой уже функционировавшей мир-системой, города развивавшейся Европы (особенно Фландрии, Франции и Италии) начали формировать четвертый “центральный” регион»⁵. Кроме того, большое значение имели субимперские центры, такие как Делийский султанат и торговые общества в прибрежной Индии, а также порты Юго-Восточной Азии. Абу-Луход подчеркивала значение Китая: «Основная идея моей книги заключается в том, что процветание мир-системы в XIII в. было в конечном итоге обязано выстраиванию бесперебойно действовавшего круга протяженных морских и сухопутных путей благодаря открытости Китая. Следовательно, “подъем” мир-системы вплоть до ее пика во второй половине XIII в. и в начале XIV в. был обусловлен в первую очередь развитием на Востоке, а не на Западе»⁶. Таким образом, в мир-системе 1250–1350 гг. европейские территории занимали второстепенные позиции: Восток превалировал над Западом.

Стратегически важными узлами коммуникаций мир-системы XIII в. были города. Абу-Луход выделяет десять группировок таких городов⁷. Это: 1) четыре ярмарочных города в Шампани — Ланьи, Бар-сюр-Об, в которых ярмарки проходили ежегодно, Провен и Труа, в которых ярмарки собирались раз в два года, 2) фламандские города, особенно Гент как центр производства текстиля и Брюгге как центр торговли им, 3) ключевые города-государства, занимавшиеся морской торговлей, — Венеция и Генуя, которые связывали Запад и Восток, конкурируя при этом друг с другом, в том числе в том, что касается торговли специями, шедшей через Египет, 4) крупные центры караванной торговли в Центральной Азии, особенно Самарканд и Бухара, 5) система городов, центром которой был Багдад, Алеппо и Антиохия — пунктами связи со Средиземноморьем, а Басра — южным выходом в Персидский залив (кроме того, Алеппо и Багдад были исходными пунктами сухопутных торговых путей), 6) система городов, центром которой был Каир, Александрия — выходом в Средиземноморье, а юго-восточной окраиной — порты Красного моря, ведущие к Африканскому рогу и в Индийский океан, 7) порты базирования могущественных арабо-персидских купцов — Бендер-Тахири, Ормуз, Хандрамаут, Киш, Оман, Аден, 8) портовые города на западном побережье Индии — Камбей, Коллам, Кожикод, 9) побережье Малаккского пролива, изобиловавшее пунктами морской торговли, контроли-

⁵ *Abu-Lughod J.* Restructuring the premodern world-system. P. 275.

⁶ *Ibid.* P. 277.

⁷ *Abu-Lughod J.* The shape of the world system in the thirteen century // *Studies in Comparative International Developments.* 1987–1988. Winter. Vol. 22. Is. 4. P. 9.

ровавшееся индийскими правителями и игравшее значительную роль в посреднической торговле с Китаем, 10) Ханчжоу, возможно, самый большой город мира в XIII в. и столица династии Южная Сунь, служивший международным портом.

В экономике каждой из субсистем, отмечает Абу-Луход, сочеталось множество хозяйственных укладов — от почти частнособственнического капитализма, пусть и опирающегося на поддержку государства, до почти государственного производства, пусть и поддерживаемого торговцами-частниками. С точки зрения хозяйственной деятельности субъектами мировой системы XIII в. были: 1) огромные аграрные общества вроде Индии и Китая, чье индустриальное производство было в основном направлено на содействие развитию сельскохозяйственного производства, 2) небольшие портовые города-государства с компрадорскими функциями вроде Генуи, Венеции, Адена, Палембанга и Малакки и 3) такие разные территории, как Южная Индия, Шампань, Самарканд, Левант, порты Персидского залива, чье значение было связано с их стратегическим расположением на путях между граничащими торговыми партнерами и 4) территории, которые были богаты высокоценным сырьем (высококачественная шерсть в Англии, камфора на Суматре, ладан и мирра на Аравийском полуострове, специи с островов Юго-Восточной Азии, алмазы на Цейлоне, слоновая кость и страусиная кожа в Африке, а также военные рабы в Восточной Европе). Экономическая устойчивость всех этих территорий была результатом (по крайней мере, отчасти) включения в мировую систему. Все территории не только торговали друг с другом, но и начинали реорганизовывать свое производство в соответствии с потребностями мирового рынка.

В мировой системе XIII в. сосуществовали разнообразные культурные системы, основанные на христианстве, исламе, буддизме, индуизме, конфуцианстве, зороастризме и более мелких религиозных течениях. При этом ни одна из культурных систем не была гегемоном. В этом еще одно отличие средневековой мир-системы от современной, для которой характерно доминирование геокультуры, возникшей в Западной Европе.

Взаимодействие субсистем, кооперация и сотрудничество между ними составляли существо средневековой мировой системы. Разветвленная сеть торгово-транспортных коммуникаций связывала восемь субсистем в единую мир-систему. Абу-Луход пишет: “Вместо авиалиний, города мировой системы были соединены морскими путями, реками и длинными сухопутными путями, некоторые из них использовались со времени Античности. Порты и оазисы выполняли те же функции, что и аэропорты ныне, будучи

используемы для перемещения людей на обширные расстояния”⁸. При этом подсистемы мир-системы XIII в. были все же более самодостаточными, чем части современной мир-системы, и коммуникации между подсистемами были заметно менее интенсивными, чем внутри современной мир-системы.

Средневековая мировая система начала распадаться во второй половине XIV в., после 1350 г. Причины, согласно Абу-Луход, связаны со следующими системными изменениями. Первое из этих изменений было обусловлено резким сокращением численности населения вследствие пандемии чумы, затронувшей в 1330–1351 гг. пространства от Китая до Западной Европы и названной Черной смертью. Пандемия чумы привела к тому, что: а) выросла доля занятых в сельском хозяйстве и сократилась доля занятых в ремесле и торговле, б) снизился уровень урбанизации (торговые города потеряли от трети до половины своего населения). В силу всего этого возможности производства прибавочного продукта и торговли на длинных расстояниях, которые были скрепами мировой системы, сократились. Второе системное изменение было связано с геополитическими трансформациями — распадом Монгольской империи, утерей монголами власти над Китаем, отказом китайской династии Мин от мореплавания на дальние расстояния и т.д. В Индийском океане образовался вакуум, который через некоторое время был заполнен португальцами, голландцами и англичанами, чья военная и коммерческая деятельность в этом регионе мира способствовала распаду мир-системы 1250–1350 гг. Пути и маршруты, созданные этой мир-системой, были завоеваны европейскими державами и адаптированы ими к собственным интересам. Европе не надо было изобретать систему, поскольку основная работа была уже проделана ранее, когда Европа была только периферией прежней системы, пишет Абу-Луход. Мировая система была захвачена европейцами. В мир-системе 1250–1350 гг. сосуществовали центры, получавшие выгоду от взаимной терпимости, после же ее упадка начала устанавливаться гегемония Европы. Восточная часть мировой системы пришла в упадок, а западная, европейская, стала расцветать.

Мир-система XIII в. была более сложной, крупной и изошренно организованной, чем предшествовавшая ей античная мир-система. Последняя включала в себя все территории системы XIII в. за исключением Северной Европы. Политически античная мировая система была структурирована более жестко, а экономически — слабее. В античной мировой системе было два имперских центра —

⁸ *Abu-Lughod J. Before European hegemony.. P. 33.*

Римская империя и империя династии Хань в Китае. Эта система распалась после краха Римской империи и распада государства династии Хань. Возникновение исламского мира и его экспансия на запад и восток стали одними из многих причин реструктуризации мировой системы, кульминацией чего стала мировая система 1250–1350 гг.

Здесь в соответствии с логикой мысли Абу-Луход необходимо сделать уточнение: исследователь полагала, что упадок любой мир-системы был не предвестником ее конца, а способом ее реструктуризации. То, что можно принять за упадок, в действительности было изменением принципов ее организации. Реструктуризация мир-систем всегда заключалась в том, что прежде периферийные регионы (субъекты) превращались в центральные и завоевывали более могущественные позиции в рамках мировой системы. Античная мир-система пережила подобную реструктуризацию и трансформировалась в средневековую, мир-система XIII в. — в современную, а реструктуризация современной мир-системы в свою очередь началась в XX в. Абу-Луход полагает, что эта реструктуризация (“распад”) стартовала не в 1970-х гг., как считал Валлерстайн, а во втором десятилетии XX в., сразу после Первой мировой войны, которая привела к распаду Османской империи и к революции в России. Эти процессы откололи Восточную Европу и Центральную Азию от Западной Европы и прервали зарождавшуюся интеграцию. В ходе текущей реструктуризации мир-системы она вновь, как и в XIII–XIX вв., должна стать мультицентричной.

Абу-Луход затронула вопрос о мир-системе, которая должна прийти на смену современной мир-системе. В статье “Реструктуризация досовременной мир-системы” (1990) она систематизировала свои взгляды на различия между мир-системой 1250–1350 гг., современной мир-системой и возникающей мир-системой XXI в. (см. табл.).

Три мир-системы (по Дж. Абу-Луход)⁹

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Временное измерение</i>			
– период существования	XII–XV вв.	XVI–XX вв.	XXI в.
– пик системы	конец XIII в.	конец XIX в.	?
– период реструктуризации в следующую	XV в.	XX в.	?

⁹ *Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system. P. 283–284.*

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Технологическое измерение</i>			
– уровень	Низкий	Умеренный	Высокий
– степень распространения	Низкая	Умеренная	Высокая
– степень преодоления пространства	Низкая	Умеренная	Высокая
<i>Системная организация</i>			
– центральные субъекты	Много	Немного	Много
– степень доминирования	Низкая	Высокая	Низкая
– экономическая организация	Сосуществование различных типов	Одна гегемоническая форма	Альтернативные формы (?)
– единицы анализа	Города	Нации	Фирмы
<i>Пространственный образец</i>			
– природа пространства	В высшей степени ограничивающая	Препятствующая соотносительно затратам времени	Однородная
– средства для путешествий	Корабли	Железные дороги/пар	Самолеты
– уровень внутрирегиональных различий	Высокий	Низкий	Растущий
– уровень межрегиональных различий (международное разделение труда)	Низкий	Высокий	Уменьшающийся
<i>Системная интеграция</i>			
– уровень ограничения	Умеренный, но возрастающий	Высокий, но неравномерный	Высокий и стремящийся к равномерности
– время ответа (примеры)	Десятилетия (“Черная смерть”)	Год (Великая депрессия)	Мгновенно (крах фондового рынка)

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Принципы реструктуризации</i>			
	Переход от первой ко второй		Переход от второй к третьей
– непосредственные системные причины	Болезни, депрессия, войны		Депрессия, войны
– новые игроки	Европейские		Азиатские
– новые регионы	Атлантический		Тихоокеанский
– правила	Завоевание		Сосущество- вание (?)
– продукты	Промышленные		Информаци- онные

Схема, изложенная в таблице, наглядно показывает то, что концепция Абу-Луход является структуралистской со всеми достоинствами и недостатками этой методологии.

Концепция Ф. Моулдер

Американская исследовательница Фрэнсис Моулдер практически неизвестна российскому научному сообществу. Она не самый плодовитый автор, но ее перу принадлежит весьма интересная книга “Япония, Китай и современная мировая экономика. К реинтерпретации развития Восточной Азии с 1600 до 1918” (1977)¹⁰, в которой была выдвинута оригинальная концепция, призванная объяснить различие путей развития двух великих азиатских стран — Китая и Японии. Опираясь на мир-системный анализ, Моулдер предприняла попытку выяснить, почему Япония, единственная страна их незападных, смогла стать промышленно развитой державой, тогда как Китай оставался отсталой полуколонией вплоть до 1949 г. Напомню, что с точки зрения Валлерстайна, Восточная Азия была последним макрорегионом планеты, который был интегрирован в мир-систему. Моулдер подчеркивает, что ее труд является социологическим, а не историческим. Книга Моулдер на русский язык не переведена.

¹⁰ Moulder F. Japan, China and the modern world economy. Towards a reinterpretation of East Asian development ca. 1600 to ca. 1918. Cambridge, 1977.

Моулдер подразделила все теории, объясняющие отсталость стран “третьего мира”, на две группы — теории традиционного общества и теории мировой экономики. Первые объясняли слабо-развитость незападных стран влиянием институтов традиционного общества, вторые — воздействием мировой капиталистической системы.

К числу сторонников первого подхода Моулдер причисляет М. Вебера. В этом же ключе трудились У. Ростоу, Т. Парсонс, Б. Мур и другие авторы, занимавшиеся изучением модернизации. Согласно этому подходу, причиной отсталости незападных стран было отсутствие политических, социальных и экономических предпосылок для развития современной промышленности. Социальная структура (наличие сословий, кланов, каст, гильдий, общинная солидарность, менталитет населения) препятствовала экономическому росту, ограничивала эффективное использование труда, блокировала географическую и социальную мобильность населения. Всесильная и коррумпированная бюрократия мешала развитию предпринимательства иррациональной и непредсказуемой политикой и тяжелыми налогами.

К сторонникам второго подхода Моулдер относит К. Маркса, приписывая ему точку зрения, согласно которой империализм был главной причиной отсталости Китая, что, с нашей точки зрения, неверно. Кроме того, к приверженцам этого подхода она причисляет американского экономиста П. Бэрна и представителей теорий зависимого развития. Моулдер разделяет этот подход и считает свою концепцию его развитием.

В своей книге Моулдер детально исследует особенности развития Китая династии Цин (1644—1911) и Японии периода сёгуната Токугава (1603—1868), социальные порядки обеих стран накануне инкорпорирования в мировую систему в середине XIX в. В первой половине XIX в. в Китае и Японии были очень схожие аграрные общества: сельскохозяйственная продукция давала примерно 70% национального дохода каждой из стран, 80—85% населения составляли крестьяне. Крестьяне производили свою продукцию в основном для собственного потребления, вели натуральное хозяйство. Основными отраслями ремесла были производство текстиля, хлопка, шелка, чая, масла, рисового вина, бумаги и т.д. Постепенно происходили рост производительности труда в сельском хозяйстве, рост населения, улучшение транспортной системы, экстенсивная коммерциализация, рост иностранной торговли, монетизация налоговой системы, преобразование статусной системы стратификации в классовую и т.д. Эти изменения в Японии начались позже,

чем в Китае, и были более интенсивными. В Китае экстенсивная коммерциализация началась задолго до начала правления династии Цин, а в Японии — только при сёгунате Токугава. В результате этих изменений крестьянские хозяйства в Японии перестали быть натуральными и стали работать на рынок, например, продавали сельскохозяйственные продукты, чтобы купить удобрения и т.д. В цинском Китае в отличие от ситуации в Японии крестьяне были полунатуральными хозяевами. Они продавали часть выращиваемого риса на локальных рынках, но только небольшая часть из них была полностью зависима от торговли. Из-за сильной локальной и региональной самодостаточности и высоких транспортных издержек национальный рынок в цинском Китае не успел возникнуть. Но в середине XIX в. его не было и в Японии.

В японской деревне с ростом коммерциализации богатые крестьяне становились богаче, чем самураи, получавшие рисовые стипендии от сёгунов и даймё. В Японии самураи составляли 6–7% населения, в Китае обладатели ученых степеней составляли 1,3% населения. Одной из причин быстрой коммерциализации Японии в последний период Токугавы была и урбанизация, связанная с переселением даймё и самураев в города, что в свою очередь было обусловлено стремлением режима Токугавы сделать города местами проживания даймё для того, чтобы их можно было контролировать. В конце XVIII — начале XIX в. в Эдо (Токио) жило более 1 млн человек, в Киото — 526 тыс., в Осаке — 380 тыс. человек. В Лондоне в 1750 г. жило 600 тыс., в Париже в 1755 г. — 526 тыс. человек¹¹. Япония была более урбанизированной страной, чем страны Европы того времени. К середине XIX в. в Японии уже сложились предпосылки для перехода к индустриальному капитализму.

Моулдер рассматривала и особенности государств Китая и Японии первой половины XIX в. Она подразделяет государства на три типа: феодальные, императорские и национальные. В феодальном государстве военная, финансовая и судебная власть находится в руках местной знати. Государственная власть была неотделимой от собственности на землю. Монарх выступал как *primus inter pares*^{*}, и его власть, как и власть других представителей аристократии, основана на собственности на огромные земельные владения и другие богатства. В императорском государстве военная, финансовая и юридическая власть не порождаются земельной собственностью, а находятся в руках центрального правительства, которое властвует

¹¹ Moulder F. Op. cit. P. 82.

* *Primus inter pares* (лат.) — “первый среди равных” (Прим. ред.).

с помощью аппарата чиновников. В национальном государстве также существует центральное правительство, которое опирается на административный аппарат. Национальное государство отличается от императорского государства бóльшей силой: в нем центральная власть располагает значительным контролем над чиновничеством и, следовательно, над прибавочным продуктом, производимым трудящимися классами. Центральное правительство осуществляет контроль над чиновничеством, потому что последнее организовано в форме рациональной бюрократии. Бюрократическая организация государственного аппарата предполагает два момента. Во-первых, чиновник всецело зависит от жалованья, выплачиваемого правительством. В национальном государстве чиновники вербуются из числа лишенного собственности среднего слоя и трудящегося класса и потому они зависят от жалованья. В императорском государстве чиновники в той или иной степени обладают прямым контролем над источниками доходов и их благосостояние не полностью зависит от их жалованья в государственном аппарате. Чиновники императорского государства в отличие от чиновников национального государства мало зависят от правительства, мало поддаются контролю и надзору, потому что не являются бюрократами в полной мере. Во-вторых, иерархия чиновников подчинена правилам и уставам, а вышестоящая инстанция контролирует исполнение этих правил и уставов. В национальном государстве локальные сборщики налогов редко присваивают себе значительную часть налогов, поскольку их деятельность подчинена нормам и находится под постоянным контролем правительства. В императорском государстве большинство налогов остается у местных сборщиков, ибо отсутствует механизм контроля над ними. В этих рассуждениях Моулдер прослеживается влияние концепции рациональной бюрократии М. Вебера.

Китайское государство династии Цин было императорским. Но поскольку в императорском государстве контроль над чиновниками был весьма ограниченным и они могли присваивать большую часть прибавочного продукта, то оно характеризовалось тенденцией превращения в феодальное. Это происходило двояко: во-первых, чиновники постепенно присваивали себе государственную власть в таком объеме, что становились реальными собственниками территорий, которыми они управляли; во-вторых, местные высшие классы подчиняли себе местных чиновников с тем, чтобы они не могли больше подчиняться императорскому правительству. Это определило механизм известных династических циклов, которыми знаменита история Китая. В этом случае собственность высших классов освобождалась от налогов, а над крестьянством бремя на-

логов даже возрастало. Крупные землевладельцы обзаводились значительным количеством земли и превращали большую часть крестьян в своих арендаторов. В результате трансформации императорского государства в феодальное происходили масштабные общественные кризисы и войны, что всякий раз завершалось восстановлением императорской власти. В отличие от этого в Западной Европе государства после 1600 г. начали превращаться из феодальных в национальные.

Китайская административная система, писала Моулдер, была структурой правил, уставов, процедур, наказаний, вознаграждений и т.д. В Китае в XIX в. было 20 тыс. гражданских чиновников и 7 тыс. военных, а учеными степенями обладало более 1 млн человек¹². Здесь было 120 тыс. представителей высшего дворянства и 980 тыс. представителей низшего дворянства. Они-то и рассчитывали на 27 тыс. административных постов. Моулдер отмечала, что традиционный Китай был чиновничьим монолитом, способным блокировать все меры по модернизации страны. В организации чиновничества Китая отсутствовали признаки рациональной бюрократической структуры, такие как, во-первых, выплата жалованья, во-вторых, контроль центра над деятельностью чиновников и кадровым составом. Китайские чиновники не были в полной мере ни оплачиваемыми, ни зависимыми от центрального правительства. Многие из чиновников происходили из высших классов землевладельцев и торговцев и располагали устойчивым доходом помимо жалованья. Этим бюрократия старого Китая отличалась от современной западной. Чиновничество Китая не было бюрократическим, а императорское правительство не предпринимало попыток сделать его таковым. Для Китая была характерна не тотальная власть, а отсутствие власти. Об этом говорят частые случаи низвержения династий, в том числе и в результате народных восстаний.

Япония периода сёгуната Токугава в сравнении с Китаем была более децентрализованной, но и более бюрократической страной. В своих владениях даймё и самураи обладали большим контролем над происходящими процессами, чем локальные китайские чиновники — над подвластными им территориями. В Японии было 17 тыс. чиновников — почти столько же, сколько в Китае, значительно превосходившем Японию по численности населения. Централизация феодальных доменов происходила двояко. Во-первых, самураи отделялись от земли и становились зависимыми от даймё стипендиариями. Накануне XV в. самураи были землевладельцами. Позже они были отделены от земли и переселены в города-

¹² Moulder F. Op. cit. P. 64.

замки даймё, стали получать от них рисовые стипендии в зависимости от размера земельных владений самураев. Моулдер пишет, что сёгуны и даймё имели бóльшую власть над самураями, чем китайские чиновники над крупными землевладельцами и дворянством. Во время финансовых кризисов стипендии сокращались, что вынуждало самураев влезать в долги, заниматься торговлей, ремеслом и т.д. Во-вторых, администрация доменов Токугавы развивалась от децентрализации к более бюрократической структуре. В начале династии Токугавы интенданты действовали как локальные чиновники в цинском Китае. Но в середине XVIII в. сёгуны урезали их власть и возможность самостоятельно эксплуатировать крестьян. Они редко могли передавать свои должности по наследству и превратились в представителей правительства сёгунов.

В середине XIX в. началось насильственное инкорпорирование Западом Китая и Японии в мировую экономику, развитие которой с 1800 по 1918 г. Моулдер разделила на две фазы. В рамках первой (1800—1880) мировые связи были основаны на торговле между метрополиями и сателлитами, т.е. колониями и полуколониями. Продукты западной (британской) промышленности в эти страны ввозились, а вывозились из них “колониальные” товары (чай, шелк, рис и т.д.). Вторая фаза (с 1880 г.) предполагала, что мировые связи были основаны на инвестициях метрополий в колонии и полуколонии. В ходе этих фаз Китай интенсивно включался в мировую экономику (систему), Япония тоже входила в нее, но не столь активно. Это происходило, во-первых, потому, что другие страны (Китай, Индия, Индонезия и др.) были географически ближе к Западу, и на их освоение в первую очередь были обращены силы последнего. Во-вторых, на Западе считали, что Япония — более бедная страна, которая не обладает в необходимом количестве нужными товарами, представляет собой мёньший рынок для сбыта западных промышленных товаров, чем Китай.

Во второй фазе вслед за Великобританией индустриализацию осуществили другие страны (США, Германия, Франция, Россия), которые стали ее конкурентами. Конкуренция между западными нациями за мировые рынки сырья и сбыта резко обострилась. К этому времени армия и флот Японии благодаря индустриализации и модернизации уже окрепли, и добиться ее подчинения западным странам было сложно. В это же время китайское государство резко ослабло, и его вооруженные силы, как и в эпоху Опиумных войн, не могли быть серьезным противником для армий Запада.

Каковы были хозяйственные предпосылки включения Китая в мировую экономику? Моулдер пишет, что в конце XVIII — начале XIX в. торговые отношения Китая с Великобританией и другими

западными странами тотально трансформировались. Великобритания интенсифицировала торговлю с Китаем, приобретая товары массового спроса и прежде всего чай, который из предмета роскоши, которым он был в XVII в., в XIX в. превратился в предмет повседневной необходимости для массового британского потребителя, в национальный британский напиток. Для того чтобы покупать китайский чай, Великобритания нуждалась в серебре, которое она могла получить, только ввозя в Китай индийский опиум. Правительство Китая из опасения разложения чиновников, солдат и офицеров, которые в первую очередь становились курильщиками опиума, сопротивлялось его импорту. Наркоманами стали от 10 до 20% столичных и от 20 до 30% провинциальных чиновников. Наибольшую опасность для Цинской династии представляло массовое опиумокурение в среде солдат и офицеров “восьмизнаменных” и “зеленознаменных” войск — главной военной опоры династии Цин. Опиум ослаблял государственную машину императорского Китая, подрывал его возможности противостоять народным восстаниям и вторжениям европейских держав. Борьба цинского правительства против ввоза британцами индийского опиума привела к двум Опиумным войнам — 1840—1842 гг. и 1858—1860 гг. В результате этих войн были заключены неравноправные договоры, предполагавшие со стороны Китая уступки территорий (Гонконг), открытие портов для свободной торговли с Западом, снижение таможенных тарифов, установление экстерриториальных анклавов, в которых западные граждане были неподсудны китайским судам, легализацию торговли опиумом и, наконец, свободу действий для христианских миссионеров, выступавших как идеологические агенты Запада. После 1870 г. Великобритания начала выращивать в крупных масштабах чай в Индии, индийский чай вытеснил китайский на британском и других западных рынках, интерес к китайскому чаю стал уменьшаться.

После завершения индустриализации в Великобритании ключевой отраслью ее экономики стала текстильная промышленность, для британского текстиля был необходим рынок сбыта, каковым и стал китайский рынок. Британский промышленный экспорт приводил к разорению местного ремесла, китайская экономика подталкивалась к сырьевой и аграрной ориентации. В силу колебаний мировых цен на сырье стало невозможно осуществлять накопление капитала.

Япония включилась в мировую экономику по-другому и с другими последствиями. Она также была принуждена пойти на заключение неравноправных договоров, которые предполагали открытие портов и начало торговли с Западом. Но условия открытия

Японии для Запада для нее самой были более мягкими. В них сохранился запрет импорта опиума, не было предусмотрено свободы перемещений и действий для иностранцев, торговцев и миссионеров, не предполагалось уступок территории. В силу того что западные державы были заняты освоением Китая и других стран, а также разрешением противоречий друг с другом, Япония осталась автономной по отношению к мировой капиталистической системе и смогла мобилизовать свои внутренние ресурсы для осуществления ускоренной модернизации, опирающейся на мощь государства. Торговля Японии с Западом была незначительной и не касалась товаров массового спроса. У западных держав не было серьезного интереса к японскому чаю, рису и шелку. Помимо Великобритании, с Японией торговали США, но они проявляли мало интереса к японскому чаю, будучи более заинтересованными в торговле с кофейнопроизводящими латиноамериканскими странами. Запад не делал значительных капиталовложений в экономику Японии, не возникло и политической зависимости последней от Запада.

Итак, насильственное включение в мировую экономику наглядно продемонстрировало слабость Китая и Японии и подтолкнуло их власти к попыткам индустриализации и модернизации. Как полагает Моулдер, важнейшим орудием преобразований в этом случае могло быть только государство. В Китае и Японии не хватало частных капиталов для финансирования развития промышленности. Основными функциями государства в эпоху индустриализации были, во-первых, развитие промышленности и инфраструктуры посредством поощрения капиталистического накопления, колониальной экспансии и защиты национальной промышленности путем политики протекционизма, во-вторых, развитие национального рынка, в-третьих, создание дисциплинированного промышленного пролетариата. Во всем этом преуспели только власти Японии, усилия правительства Китая завершились крахом. Как это объясняет Моулдер?

Моулдер полагает, что в Японии в эпоху Мейдзи сложилось сильное централизованное рационально-бюрократическое государство, которое было в состоянии осуществить индустриализацию и модернизацию страны, тогда как в Китае государство слабело и распадалось. В Японии государство смогло установить и усилить контроль над территорией, над всем обществом. В Китае во второй половине XIX в. централизованное бюрократическое государство не только не возникло, но и существовавшее небюрократическое императорское государство ослабло, обнищало и потеряло контроль над своими территориями. Причиной этого стало то, что императорское государство Китая испытало ряд мощных ударов

со стороны крестьянских восстаний, самым значительным из которых была великая крестьянская война тайпинов 1851—1864 гг., в результате которой погибло множество людей, уничтожены материальные богатства, ослабли центральные власти, а локальные во главе с местными феодалами и чиновниками — усилились. В Японии таких разрушительных восстаний не было.

Причиной восстания тайпинов Моулдер считает резкое ухудшение социально-экономического положения китайских социальных низов, что, в свою очередь, было обусловлено последствиями ввоза британцами опиума в Китай. В результате этого произошло резкое обесценение медных денег, что привело к увеличению налогового бремени на рядовых налогоплательщиков (поскольку они свои доходы получали медью, а платили налоги серебром), росту арендной платы за землю и, следовательно, снижению реальных доходов китайских трудовых низов. Кроме того упали цены на рис и другие основные продукты крестьянских хозяйств, что заставляло крестьян продавать большую часть урожая, чтобы заплатить налоги. Обнищание масс стало причиной деклассирования и бандитизма, создало социальную базу для восстания тайпинов.

В Японии правительство субсидировало промышленность, осуществляло промышленные проекты, формировало банковскую систему, гарантировало прибыли промышленникам, защищало национальную промышленность, облагая таможенными пошлинами импортную продукцию. Моулдер указывает, что текстильная, металлургическая, сахарная и другие отрасли японской промышленности развивались с помощью пошлин. Японское государство проводило политику колониальной экспансии: к 1910 г. был установлен контроль над Тайванем, Кореей, Южным Сахалином, позже — над Маньчжурией и Северным Китаем. Колониальные захваты давали японской промышленности рынки сбыта и источники сырья, что стимулировало развитие кораблестроения и военной промышленности.

Власти цинского Китая в 1860—1870-х гг., как и правительство Японии периода Мейдзи, пишет Моулдер, стремились проводить политику протекционизма и индустриализации, но финансовых и бюрократических возможностей у них было значительно меньше, чем у властей Японии. Причинами этого были иностранный контроль над Китаем и ослабление императорского государства. Китайское правительство из-за вмешательства Запада упустило из-под своего контроля налогообложение, например, таможи в морских портах были в руках иностранцев, отсутствовала централизованная фискальная система, что не позволило накопить капиталы для финансирования индустриализации. Китайское государство осуществляло

некоторые промышленные проекты, особенно в военной промышленности, но этого было недостаточно. Китайские власти не контролировали западные инвестиции, например, в строительство железных дорог. В отличие от Китая в Японии государство контролировало все источники доходов, включая земельный налог и пошлины на ввозимые товары. Неравноправные договоры, отчуждение территорий в пользу Запада, экстерриториальность западных концессий, неподсудность иностранцев китайским судам подрывали возможности китайского государства. Отсутствие колоний у Китая также препятствовало его капиталистической индустриализации. Моулдер резюмирует: “Сравнивая Китай и Японию, мы видим, что проблема была не в том, что Китай был слишком бюрократическим, а в том, что он был недостаточно бюрократическим. Япония стала современным, бюрократическим, национальным государством; в Китае происходила децентрализация вследствие вовлечения в мировую экономику. Вопреки этому были предприняты усилия для осуществления национальной индустриализации. Ввиду подчиненной международной позиции Китая в это время, то, что эти усилия потерпели крах, было неудивительно”¹³. Итак, повторим: возможности поощрения накопления капитала в промышленности Китая были ограниченными не потому, что Китай был бюрократическим и централизованным, а потому, что он таковым не был. Попытки поощрения модернизации Китая были блокированы его интенсивным инкорпорированием в мировую экономику. Его индустриализация была отложена до периода после революции 1949 г.

Концепция Моулдер, как и концепция Абу-Луход, является структуралистской. Моулдер рассматривает развитие Китая и Японии как структуру, состоящую из трех структур — 1) мировой экономики, 2) государства и 3) классовой структуры. В отличие от этого Абу-Луход выделяла только одну структуру — мир-систему. В этом смысле концепция Моулдер сложнее. На структурализме построен, впрочем, весь мир-системный анализ. Концепции Абу-Луход и Моулдер разделяют все достоинства и недостатки мир-системного анализа¹⁴. Они справедливо указывают на интеграцию человечества, которая началась еще в Античности, на большое значение становления подлинно всемирной истории. Но оба автора абсолютизируют сферу обращения (торговлю и финансы), т.е. поверхностные связи, и недооценивают сферу производства. В XIII в.

¹³ Ibid. P. 197.

¹⁴ См. об этом: *Рахманов А.Б.* К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология.* 2005. № 4. С. 65–81.

(и тем более ранее) между различными странами существовали только слабые поверхностные связи, которые не определяли их развитие. Интеграция человечества на самом глубоком, существенном уровне — уровне производства — начинает возникать только в XX в. Отсюда другой недостаток этих концепций — модернизация прошлого. Объяснить быстрое капиталистическое развитие Японии и отсталость Китая можно только на основе исследования докапиталистических способов производства, существовавших в этих странах к середине XIX в. К этому времени в Японии уже существовало общество зрелого и даже “перезревшего” феодального способа производства, в недрах которого уже интенсивно формировались капиталистические отношения, а в Китае был стагнирующий феодализм.

Большое значение имеет и то, что рассмотренные выше концепции Абу-Луход и Моулдер лежат в русле исторической социологии — важной социологической субдисциплины, бурно развивающейся в мире в последние десятилетия и, к сожалению, недостаточно известной в России. В рамках исторической социологии, кстати, разворачивается научное творчество и самого И. Валлерстайна. Значение концепций Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер для отечественного социологического сообщества заключается, среди прочего, и в том, что они показывают подлинные очертания современной мировой социологии. Поиск закономерностей социальных процессов далекого прошлого — это тоже социология. Необходимо преодолевать характерный для отечественной социологии культ настоящего и современного, поскольку понять глубинные закономерности общественной жизни можно только лишь в единстве прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рахманов А.Б. К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4. С. 65–81 (*Rahmanov A.B.* К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Věstn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2005. N 4. S. 65–81).

Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350. N.Y.; Oxford, 1989.

Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system // Review (Fernand Braudel Center). 1990. (Spring). Vol. 13. N 2. P. 273–286.

Abu-Lughod J. The shape of the world system in the thirteen century // Studies in Comparative International Developments. 1987–1988. Winter. Vol. 22. Is. 4. P. 3–25.

Moulder F. Japan, China and the modern world economy. Toward a reinterpretation of East Asian development ca. 1600 to ca. 1918. Cambridge, 1977.

Wallerstein I. The modern world-system, I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.; San Francisco; L., 1974.